

БОРИС ИХЛОВ

ГОДЫ ВОЙНЫ

Пермь 2016

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А13

Б. Л. Ихлов. Сборник стихов. 186 стр.

ISBN 978-5-905465-07-9

@ Б. Ихлов, 2016

ISBN 978-5-905465-07-9

Уже готов второй сборник стихов Бориса Ихлова, но напечатается еще первая книга. Она почти не имеет отношения ни к его профессии физикатеоретика, ни к его деятельности в политике как марксиста-ленинца, руководителя политического объединения «Рабочий», члена профкома пермского рабочего профсоюза «Защита, занятость, законность». По атмосфере его стихов, за редким исключением всегда сугубо личного характера, вряд ли можно судить о тех событиях, которые происходили в стране – точно так же, как и по стихам Верлена узнавать о французской эволюции, о Парижской коммуне. И всё же атмосфера эта отражает события и могла быть названа «Окаянные дни». Могла – потому что, в отличие от Бунина, Борис Ихлов не был и не является сторонним наблюдателем или эмигрантом. Даже мимолетные увлечения, даже написанные в духе обериутов или Эдварда Лира стихи передают, скорее, безвыходность, напряженность, отчаяние, ярость, нежели игривое настроение.

После аспирантуры в МГУ, предзащиты и публикации автореферата Бориса Лазаревича лишили возможности защиты диссертации – за политическую деятельность. Затем незаконно, против воли трудового коллектива кафедры физики, уволили из пермского политехнического. Причем сделали это с подачи пермского облсовпрофа (ВЦСПС) и преподавателя научного атеизма Писманика. Затем был запрет на профессии, его не принимали ни фармацевтический институт, ни родной университет, ни медицинский, его даже не брали простым аппаратчиком на завод. На заводе им. Калинина ему показали список нежелательных лиц, где его фамилия фигурировала второй. После наступления

демократии картина не поменялась, чиновники всё время задавали тот же вопрос: «За что уволили?» Последняя попытка получить место в вузе была в 1996-м. Сотрудника КГБ, опекавшего Бориса, спросили, почему не дают устроиться на работу. Сотрудник ответил: «Пусть уезжает в другой город и устраивается.» Но Борис еще в 1987 году пробовал – по приглашению товарища по аспирантуре Гвоздева – поступить в Ярославский пединститут, но слезка за ним началась сразу по выходу из поезда на вокзале в Ярославле... Была возможность эмигрировать во Францию. Затем Борису Ихлову предложили работать в Эдинбургском университете. Затем предложили уехать в Израиль. Затем – хотя бы на год в Германию. Почему не уехал? Неужели так затянула политика, может быть, трудно выходить из борьбы? Но ведь и в Англии можно заниматься политикой... Борис отвечает лаконично: «Не дождетесь!» О России рассуждает крайне редко и еще реже пишет, разве что оценивая экономику или политическую ситуацию. На всевозможные разговоры, почему бы в таких-то тяжких условиях, при полной пассивности рабочих, на десятилетия, не менять гражданство, вздыхает: «Как отвечал один известный композитор на вопрос, не хотелось бы ему за столько-то лет совместной жизни развестись со своей женой: убить - хотелось, развестись – нет.»

Художественная ценность... Лучше об этом сказать словами Рокуэлла Кента: «Я не знаю, что такое искусство. Я только знаю, что это мне нравится, а это – нет.» Судить читателю.

Сергей Отделенный, к.ф.н.

От автора

На стенах картинной галереи подвешенные на шнурах столетиями сияют полотна разных художников. С полотен на случайного зрителя смотрят, на показ выставлены души художников, сами художники этого страстно хотели. Целые концертные залы собирают художники, чтобы народ выслушал их душу. Потом совершенно чуждые люди, которые закончили специальные институты, будут критиковать души, манеру их отображения, стиль, которым исполнена душа. Душу можно обсуждать, собравшись у полотна, можно читать о душе лекцию перед толпой иностранных истуканов. Можно даже приблизить лицо, чтобы поинтересоваться техникой, какой выполнена та или иная душа. Одно нельзя, и об этом просят служители храма, где живут души – трогать их руками. Иначе души погибнут.

У меня же нет претензий, свой уровень я хорошо понимаю. Эта книжка – всего лишь дневник, с начальных классов школы. Наверно, иные фрагменты непонятны, потому что касаются лично, что ведомо только близким людям. Потому одно обращение не поясняю. Собственно, для близких и писал по большей части. Это заставило оставить в сборнике слабые стихи. Поэзия должна быть молодой. А тут с первого стиха – не молодая. Потому не поэзия.

Как это у Пушкина: «Взмахну руками, стихами вдруг заговорю». Никогда не занимался писанием стихов. Это не было ни увлечением, ни тем более профессией. Первые десять «творений» – детство, школьные годы. Стихи рождались обычно тогда, когда за горло хватало так, что другого выхода, как что-то написать, не было, и облегчение, когда записанный на листке текст лежал на столе.

Все равно. В середине апреля
Рядом с светом - пустые ночи и мрак.
Люди вовремя с веком ложатся в постели,
Чтут книженции в клетке, похожей на сар-
кофаг.

1968

Мне снились вьюги в спальне тесной
И колдовали на бегу,
Что утром радостным воскресным
Проснусь - деревья все в снегу.

1969

Неба плотная пелена.
Серые, пылью пропахшие здания.
Черные точки между домами.
Так началась война.

Люди в плавающей траве,
Скоростью, до тошноты одинаковой,
Двигутся точками между домами,
Каждая в свой подъезд.

Жизнь июльской травы.
Шагами вялых потомков Разина
Невыносимо разные
Вытопчут улиц рвы.

1970

За горем дней пройдет немного,
И я почувствую опять,
Как застучит в виски дорога,
Мешая безмятежно спать.

Но есть всегдашняя любовь,
А есть безудержная вялость,
Души всегдашняя усталость
И в жилах порченная кровь.

1971

НАДПИСЬ НА ПАМЯТНИКЕ

Как день, пройдет моя весна
А с нею небо голубое,
Над Камой старая сосна
И запах лета над землею.

Не для меня придет весна.
А воздух звонок ясным утром.
Прольется дождь.

1971

Сегодня утром мелкий снег
Сквозь ветки сыпал голубые.
Гвоздики. Лозунги. Россия.
И ты опять приснилась мне.

1971

Когда я снова одинок,
И суета не занимает,
Я наши встречи представляю,
Что не случились так давно.

1973

Там, за моим горизонтом,
Слышу я голос любимый.
Птицы полет молчаливый
В темное небо уходит.

Хмурый рассвет сиротливый,
Влага сиреневой хмари.
Губы, что вечно твердили
Строчки учебников старых.

1973

Снег за окошком. Небо. Клен
На фоне неба помертвелом.
И кажется осиротелым
Внутри безмолвие мое.

Сирени запах, как запрет,
И сжаты сроки до предела.
Ты кажешься осиротелым,
Неврастенический мой бред.

1974

Мне хочется уснуть на теплом, белом
камне,
Чтоб небо, солнце и лицо мое слились,
И пусть мне снятся сны про девочек моих.

Наступит день, когда машины уничтожат
камни,
И ветер времени седую пыль умчит.
Пусть я усну на теплом белом камне,
И пусть мне снятся сны про девочек моих.

Кочеву, 1974

Забыть. Забыться в судорогах жгучих,
Почувствовать дыхание на устах,
И пить глотками поцелуй колючий,
Лаская обнаженные места!

1975

Сны, ноты, книги. Тьма. Бесплодье.
В углу измятая кровать.
Мне все на свете наплевать,
И жизнь безрадостно уходят.

Мне все на свете наплевать.
За облаками солнце село,
Плывет в окне заиндевелом
Под снегом грязная трава.

1975

Грязь. Мыслей тошнота.
Снег - белый занавес над сценой.
В потемках не услышат стены,
Как закричу я от стыда.

То было в детстве, мой удел -
Вопить от выдуманной боли.
Я перепробовать все роли,
Как параноик, захотел.

1976

Мне снится - ты ушла, меня оставив,
А ветер лето меж домами разметал,
Что в руку сон, и голыми листьями
Мое лицо к себе прижал
Знакомый тополь, что, перекликаясь,
В безликом хоре тонут голоса.

Мне снится - ты ушла, меня оставив,
А ветер лето меж домами разметал,
И кажется, что ты не рядом с нами,
А в королевстве треснувших зеркал.

1976

Вот и время пришло.
Плешь. Щетина. Отрыжка.
Пустовато в глазах.
Жировые излишки.

И за окнами звон
Не пьянит и не манит.
Лишь Иосиф Кобзон
На экране тиранит.

Апрель 1976

Тоскливо и смешно за днями дни текут.
И страх за то, что пуст, и страх за то, что
полон.
Ты будешь вечно неготовым
К тому, что радостью зовут.

1977

ЧЕБАРКУЛЬ

Еще не выбился из сил,
Не страхом сковано сознание,
Но смерть ли будет оправданием
Тому, что прежде натворил.

1977

Ты думал, жизни солнечным дождем
Твой путь омыт. А ныне
Перед тобой травы озера.
Гор туманность и надежд туманность
Над мертвыми березами кружатся.

А дни летят, как пыль из-под сапог,
На дне души твоей не оседая,
И только по ночам в палатке вспоминаешь
Морд сплющенный оскал.

Чебаркуль, 1977

ЛЮБА

Ты помнишь серый день, такой печальный,
Сирень звенела музыкой хрустальной,
Дожди, твои подруги, голос мамы.
Какое горе приключилось с нами.

Ты помнишь запах хвои, день прощаль-
ный,
Сирень звучала музыкой венчальной,
Прошли дожди у нас над головами,
Сырой песок темнел в оконной раме.

1977

НАТАШКЕ

В плечо твое укутаться-уткнуться...
Ну, улыбнись, что стоит улыбнуться.

1977

Мне в мире ничего не доставляет
Таких воспоминаний. Только ты.
Я в памяти своей перебираю
Романов недописанных листы.

Они горят и тлеют на ладони
И что-то будят. Что - не разберу.
Быть может, я когда-нибудь умру.
Не расцветя. В неизвестности. В бутоне.

1977

Оставь мгновение, когда придет сентябрь,
Когда проглянет солнце, осветив
Вершины тополей, и дети понесут в руках
цветы.

Запоминай скользящие мгновенья,
То звук шагов в далеком переулке,
Осенний день и свежий свет скамеек,
Ребенок на коричневой листве
И сентиментальный вальс
Шуршанья шин и запаха дождя.

1978

Неожиданно жесткий смех
Ложь вместо доверчивости
Неловкость безразличие
Кирпичное солнце и снег
Вместо апрельского тепла
У эквилибриста выбили шар из под ног

1978

СРАЗУ ПОСЛЕ УНИВЕРСИТЕТА

Не уходите, милые мои.

Я вас любил. А вы меня - любили?

Пока что вы еще не позабыли

В той жизни злобных слов моей любви.

Я ненавижу вас. В холодных снах

Являлись вы, о чем-то улыбаясь,

Случайных взглядов логика сквозная

Мне страшные дарила имена.

Не верьте нам. Что для России - мы.

На перепутье, словно третий лишний...

1978

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

У железной дороги
Пес с раздвоенной лапой
Смотрит и убегает прочь
Поезд исчез из памяти
Оглушив свистком
Рюкзаки за спиной
И оловянные глаза
Мир равнодушен
Но так не бывает
Он уходит в спираль
Качается ветка
Воздух прозрачно-серый
Господи дай мне минуты познания
Когда я любил тебя

Речка Бабка, 1978

Лишь злоба руки согревала.
В ту ночь гроза, как зверь, рычала,
И холод яростный металла
С весла отчаянье метало.

Уже не вырваться с колен.
На губы, все еще живые,
Легла навечно, как Россия,
Улыбки судорожной тень.

Но шаг за шагом, как в пустыне,
Работа радости отнимет,
И ночь покажется чужой,
И утро голову поднимет,
Как будто пес сторожевой.

Усьва, 1979

НОМЕР В ГОСТИНИЦЕ

Все предусмотрено - лишь узенькие окна,
Чтоб не возникло тени беспокойства,
И вот уже задергиваешь шторы,
И сны-желанья горло жмут и дразнят.

А помнишь злую ночь, когда стояли
Туман и дождь над скалами, и мутной
Была вода и вдоль обрыва бревна
Несла куда-то, и гроза кричала.

Преступникам не нужно всепрощенье,
И страх на нежность не меняют, только -
Все предусмотрено - лишь узенькие окна.

Москва, 1979

Когда на долгом километре
Чужие руки не согрели,
О, как вы весело запели,
Родные северные ветры.

Тогда бездомная страна
Приткнулась в лающем вокзале,
Где мусора по временам
Бичей на холод прогоняли.

Неужто в снах твоих зарыт
Новочеркасск? Ты слышишь, стерва,
Как ветер северный свистит
В твоих, Москва, коробках серых.

1979

Мы так с тобою далеки,
Мы так близки - но это ложь,
Недостижимы для руки,
Хотя и рядом ты идешь.

1979

Весь день качает колыбель
В ушах горячего шума.
Как больно думать о тебе.
Как страшно о тебе не думать.

1980

Лишь только бы оставили в покое,
Как будто жить захочется, когда
Оттаивают сердце ледяное
Полярный край, Уральская гряда.

Закончилась мышинная возня.
Вы мне при встрече крепко руку жали,
Но только никогда не понимали,
Что на' сердце лежало у меня.

В глухом краю безвыходна лазурь,
Слоистых скал тоскливые картины,
И сжатый воздух медленной пружиной
Назад толкает в городскую хмурь.

А рядом, как на праздник, как в кино,
Надев гондоны, будто рыцарь латы,
Идут на штурм духовные кастраты
Того, что штурмовать дозволено.'

Слепое солнце утренней поры,
И резко свистнет поезд уходящий.

1981

Открыта дверь, как книга, наугад,
А воздух пахнет розами и влажен,
И ворохом оберточных бумажек
Мои стихи убогие лежат.

Не прожита придуманная жизнь,
Постылая бессмысленна свобода,
Забывшие так призрачны заботы,
И настежь дверь. Куда идти, скажи.

1982

Мы жизнь с тобой не видели почти,
Поднявши свист и рябь по мелководью,
Еще теплы, как пуля на излете,
А цели все не видно впереди.

1982

КАРТИНА ВАСИЛЬЕВА

Озера ладонь у края леса ледяная,
Ветер стаи туч над лесом собирает.
Белая осень, белая осень, белая осень на
полях.

Стаи туч на сером небе мглистом,
Солнце глубоко под серой кистью,
Будто под снегом спрятано небо, спрятано
в старых ковылях.

Утро, белое утро.

1982

Случайно встанет нотною строкой
Над Ленинградом пасмурная скука.
Мне все стихи и вся моя наука -
Часы, не проведенные с тобой.

1982

МАРТ

Когда, как взвесь, последний зыбкий лед
Дождя касаньем, губ твоих касаньем
Почудится тяжелому сознанию,
И чистым звуком в воздух поплывет
Осенних дней придуманное царство,
Тогда мне смерть, как горькое лекарство,
На чайной ложке счастье поднесет.

1983

Какие дожди полыхают
Над нашей планетой.
Вот градин, не утихая,
Поют кастаньеты.

Вот мир на секунду застыл
И снова рванулся.
И серая, серая пыль
Без веса, без вкуса.

Вот серая, серая пыль
На серой скамейке.
Вот полночь, завод и столбы
Над узкоколейкой.

Дожди отошли, а немая
Душа настороже.
И кажется, путь ей до рая
Отмерен, уложен.

1983

Снова врываются в кадр и мчат погремушки машин,
И теплых ладоней домов баюкает передвижение,
Когда ты захочешь вернуться в то серое утро.
Ну, почему же туда не вернуться.

Вот день, упоительно серый. Предгрозые.
Безлюдье.
Но тогда не бывает грозы, если дождь
Наносит на зеркало луж сетку кругов.
Предпразднично. Религиозно.

Вот день, упоительно бледный. А вечером
Ржавым и серым - давление пасмурных туч,
И в ямы домов ночь сметает прохожих.

Зачем же мы глухи и немые, когда начинается утро,
Лишь под' вечер наши гортани на хрип переходят от боли.

1983

Пока дожди сквозь сито моросили,
Напрасно три мгновения коротких
Нас перед боем всех объединили.
Зачем же песня судорогой в глотке?
Затем, что Ты пока живешь на свете.
Текут сквозь сито миллиардолетья.

Пока дожди сквозь сито моросили,
Пока снега баюкали невзгону,
Под песни девятнадцатого года
Солдаты грязь осеннюю месили.

Предчувствие любви не обмануло,
Но я не жил и человеком не был,
Пока однажды в холод не мелькнуло
Мне счастье черствой корочкою хлеба.

1983

О чем ты думаешь ночами,
Когда седые облака
На юг проносятся над нами
И осень стылая близка.

Привычно-серыми тонами
Дожди проходят между нами,
И пролегает снегопад
Промозглым утром. За окном
Встает размытое пятно -
В моем дворе осенний сад.

Ты помнишь небо из окна
И запах красок акварельных.
Как безнадежно постарели
Привычно-серые тона.

Неясной сеткою ветвей,
Апрельским солнцем над домами
Оборотись. Мы снова здесь,
Пустынный город перед нами,

Ты не найдешь былых друзей,
Им нет до нас с тобою дела.
Лишь лес знакомых тополей,
Да ветви в изморози белой.

О чем ты думаешь ночами,
Когда седые облака
На юг проносятся над нами,
И осень стылая близка.

О чем ты думаешь ночами,
Когда что осень, что весна,
И все, что было между нами -
Привычно-серые тона.

1984

Кто здесь рядом? Откликнитесь! Дни со-
чтены.

Два-четыре часа - это отдых, и все же
Мы самими собой оставаться должны.
Смерть все круче, а жизнь, как равнина,
положе.

Содрогнулись кумиры в высотах пустых,
Им с рожденья ходить по земле не приста-
ло.

Золотыми глазами глядят с высоты
И, накренившись, гулко летят с пьедеста-
лов.

Как заходятся в песнях поэты седые,
И какие теперь откровенья настали.
Вековая твоя племенная гордыня
Белой сахарной пудрой летит из развалин.

Я хотел, чтобы руки касались мои
Клавиш черных и белых любви и печали.
Я хотел, чтобы белые краски мои,
Будто хмурое утро, на черном лежали.

А досталась забота и злая земля,
Счастье ждет у подножья сизифовым кам-
нем,

Только солнце в крови, только губы в це-
менте,
А руками - зажать на морозе железо.

Я по-прежнему твой, и с ума не сойду,
Не уеду по всеми избранной дороге,
Только я предпочту страх в последнем
бреду
Старой ласковой сказке о господе боге.

Москва, 1984

Ты пишешь письма в пустоту. Зачем?
Не радость, а желудочная боль
Зудит, зудит какое лихолетье.
Зачем. Твои друзья не в дружбу,
И нет двери, куда бы постучать,
Когда весной провалы черноты
Манят к себе, как бешеная скорость,
И еле ощутимый запах мая
И прошлых лет в провалах черноты.
Ты пишешь, что тебя не занимают
Былые мысли. Старого позора,
Трескучих фраз, ненужной суеты
Тебе хватило на четыре жизни.
Ну, а теперь желания пусты,
И мир висит, как грузик на пружине.
Но вечером - провалы черноты,
Лес вдоль дороги, как урок прошедший,
Все старое тихонько вспоминать,
Дышать последним воздухом приволья,
Но не придет ответ из пустоты,
И радости желудочною болью.

1985

В синем небе - золотые купола.
Лишь на память, Лена, что ты, что ты.
Под ногами крошка битого стекла
По утрам от дома до работы.

1985

И полетели пасмурные дни
Гусиной стаей сквозь колючий ветер,
Плыл солнца диск, и в розовой тени
Бастинды тени рвались, и на свете
Существовал таинственный закон,
Который двигал серые ущелья
Учебных зданий над моей постелью
.....

Главное здание МГУ, 1986

Завтра - в гору, Сизиф!
Завтра - поздняя осень.
Над растоптанной мерзлой землей
Пыльный ветер пахнет.
Сердце падает вниз,
Что твой камень гремит по откосу.

1986

Иссяк пейзаж. Ура! Конец игре.
Снег на траве зеленой в сентябре
И тишина удавленного звука.
И только “два зигзага на коре”,
Да горечь праздника, да скука.

И тошно петь, и тошно говорить.
Иссяк пейзаж! Твоих ладоней ярость,
И мысли, люди, слухи. И осталась
Полоска света в запертой двери.

1986

Не жалею, не плачу. Мне стало безрадост-
ным прошлое.
Впереди дым болота и пасмурный воздух
сырой,
Смутный тянется лес, и застывшие камни
над пропастью,
И последнего в мире заката кинжал золо-
той.

И отчаянье греет, как будто мы прожили
весело,
А вино не пьянит, нету места во мне забы-
тью.
Воздух сер, как тогда декабристов повеси-
ли,
и качает кораблик, вошедший в речную
струю.

Боже мой, не уходи. Над сосновыми пря-
дями
Неба край тяжелеет, и давит на сердце за-
кат,
И запрыгает сердце пружиной тугой
невпопад,
И запрыгает дождь

.....

И спускается сырость лесная. Штормовка
пропитана влагой,
И рисуется пихта косым движеньем руки
На ночном косогоре, на серой бумаге
Сумасшедшего воздуха в пойме реки.

Кудымкар, август 1986

Ты никуда не уходила.
Ты просто по лесу бродила,
А я... где ж я тогда бродил.
По скользкой, илистой земле,
Туманным логом к перепутью.
А нынче - жесты позабыл.

1986

Возьми-ка в руки свои игрушки
И улыбнись зеркалам из фольги.
Воздух проникает в окно,
Будто открытие.

Вот и выстроен мир.
И сидим на диванчике, дую в ладошку,
В то время, как музыка теплого воздуха
Входит через окно.
Итак, на коленях у нас старые игрушки,
В частности, плюшевый медведь без уха,
И мы утыкаемся в плюш.
И вдруг звучит этот миг
Золотыми слезами о нескором конце все-
ленной,
    О болезненном доме,
Неостывшем вечернем лете.

1986

И выпадет час, и, собрав все причины,
Столкнут с колеи и улягутся вьюги.
И долго, шатаясь, петляет волчина
Все дальше, вперед, по тяжелому снегу.

Под утро приснится, что не было слуха,
Что сил на надежду осталось негусто,
Что смотрит на руку гадалка-старуха

И шепчет на ухо: “Проснись в Фамагусте”.

Но только у клавишей пальцы застынут,
Как снова по снегу, по рыхлому снегу,
И дальше, все дальше, по ржавой равнине,
По милому, яркому, талому снегу.

Прости мне, что бледною краской рисую,
Что это вздох, невзаправду, неряшливо.
А ритмы - как в детстве избитые рифмы,
Наутро покажутся бредом вчерашним.

Бессмысленной ржавчиной станет равнина,
И если на все существует награда,
Как вору пригрезится жизнь без обмана,
Так мне перед смертью пригрезится правда.

Бессмысленно долго душа на изломе,
Где силы вздохнуть и прожить, если нужен
ты,
От бездны фатальных кровавых историй
До детских псалмов о труде и о мужестве.

Февраль 1986

Господи, боже мой,
Сердце так музыки просит.
Снега улеглись. Леса
Спят в лиловом уборе.
Дорога в снегу уходит за горизонт,
Где садится нежное солнце.
Поля.

Скажи, мой боже,
Сколько осталось любви
На кончиках пальцев твоих.
Снег нескончаемый в поле.
Белого снега тепло,
Пьяная музыка стужи.
Боже, радость моя,
Скоро окончится музыка.
Рядом присядь. В этой книге
Ведьма Бастинда, цветы хризантемы,
Белый струящийся снег.

.....
Спасибо за древние, грозные звезды,
За тайну их бега в землях всевышних.
Спасибо за райскую поступь природы,
За чистого неба пространство над крышей.

.....
Войди в мою дверь.
Лета разлита, как воздух.

Февраль 1987

ОТЕЦ

Стучи же, пустота, как пулемет в виски,
Вот раскрутись с горы и стань добычей
вьюги,
И пеной захлебнись, и оживи с тоски,
Что падают снега на сто веков в округе.

Приходит пустота под хрип трамвайных
рельс
И скрежет челюстей, и все пошло не в лад.
На сто веков вперед морозы в январе,
А я еще живой, как сотни лет назад.

О, только не молчи, разбуженная дробь,
Мой деревянный страх, ты без оркестра
воешь,
Несет людей река в мою могилу гроб,
И красит немота мне губы синевою.

К оранжевой луне взлетел собачий лай
И замер, возвратясь, в петле лесных болот.
Но не было луны, которая взошла
Над черною избой. А ночь все льет и льет,

И угольную пыль пьет выстывшая топь.
Идет людей река, и о любви - ни слова!
О, только не молчи. Немых стихов листок
Мне, как дрова в печи, растапливает злоба.

25.1.1987

Нет времени, Люда. Уходят победы,
Не радость, не память, а в памяти меты,
И сердце от страха щетинится злее,
Когда пролетает комета Галлея.

И что за щемящая жизни усталость -
Кусок человечинки жарить под взглядом.
Нет времени, Люда, и что-то осталось
Поведать глухой суете листопада.

Устали глаза упираться в чужое
Лицо земляка, а ведь хочется правды,
И воздуха, воздуха самую малость,
И жаль этот свет, как была хороша ты.
Ты так хороша, человечья усталость.

Август 1987

МЕТРО

Когда в глазах сияет темнота,
А страх и страсть обшаривают мозг,
Составы из ничто и в никуда
Летят, и бьется голубь в потолок.

И мимо мчат пустые поезда,
Когда пылает бархатная ночь,
А в поездах грохочет пустота,
И жизнь в метро как пыли суета.

Бильярдный шар по бархату летит.
О чем кричишь? От лузы не свернуть,
И муть путей, где мой прочерчен путь,
Мутнее спермы Млечного пути,

Где спят сады в заоблачной красе,
И спит на крыльях яблоневый снег,
А жизнь моя по взлетной полосе,
Как самолет, растрчивает бег.

Август 1986

Ах, дружище, что ж мы - как обычно, чужие?
И за мной - кот в мешке! - как в забытую дверь?
Ляжет дама червей, ну а рядом - заботы пустые,
И могильной плитой ляжет Кама, а рядышком - Пермь.

Вот ведь смех. И сменяется бег иноходца
По пружине асфальта, в теплоту набегающих улиц,
По пустыне асфальта, в болото, в кишащее улье
Пилигримовым шагом. И думать иного не хочется.

Ты - терпимей к другим?? А точнее - терпимее к грязи. . .
- Да оставь ты. О славе любви. . . - вот ведь смех.
Давят, верно, ботинки? Что толку правительей лаять.
Ну, а солнца - а солнца по-прежнему хватит на всех.

Август 1987

Что ты чувствуешь во мраке? Ты ждешь - вот
сейчас

Двери лес распахнет, и увидишь, как
настежь

Свищет ветер в лесу, и кружится Пегас,
Как в воронке, и рушится небо на части.

Там, где прыгает яблоко радости над
Темнотой полян и взлетает дыханье,
Там пылает шаманья трава-белена
И кричать не дает побелевшей гортани.

И копыта по небу, будто зубы, стучат,
Стынет кровь от плети у тебя на ладони,
Что же делать, что следом идет снегопад
И пора, когда сердце не слышит погони.

Но пока - эта мысль не дает мне свернуть -
Край, где замерла пропасть, прыжка ожи-
дая,

По лесам колдуны бородами трясут
И неласковым словом меня поминают.

Август 1987

КЕНАР ЮРЫ ШЕЙНОВА

*А ты подвинься на край ущелья
и вниз бросайся...*

Над спицею клетки - парение скрипки,
Над клеткою птицы - каноны Вивальди.
Домашнее солнце надеждою зыбкой
При наших, Светланка, печальных свиданьях.

И чудилось снова, что не было слуха,
И скрипки не пели под утро, и пусто
Вся рать неземная назойливо в ухо
Дышала-шептала: “Проснись в Фамагусте”.

Над клеткою птицы - каноны Вивальди,
Над клеткой столицы - тени, как флаги.
Как раньше казались живыми асфальты,
Как в детстве казались живыми собаки.

Но время, как звук, в темноте растворится,
А утром, как стражи, ухватятся страхи.
Не сетуй, с тобой ничего не случится.
Метафора птицы, гипербола птицы.

Солнце, белесое солнце осеннее,
Плесни мне в глаза канареечным цветом.
Комочек живого еще оперенья,
Дыханье еще не убитого лета.

К утру примечтается воля чужая.
Гони же по небу свою колесницу!
Простимся, ведь радостей сердце не знает,
Простимся, моя суматошная птица.

Легка и просторна, насест - опереться,
Грудная тюрьма дистрофичного сердца,
Что плачет от страшного, зряшного бега,
Что выпало блага на взмах оперенья.

Ты слышишь, в погоню за речкой асфаль-
та,
Сейчас замолчит двухголосая птица.
Оставьте мне бег до начала заката,
Туда, где вечернее солнце садится.

Вприпрыжку колеса - мелькание спиц,
И вечный покой, что столетье нам снится.
От старой Перми пожелтевших страниц
К обрыву скользит сумасшедшая птица.

Москва-Пермь, 1987

БАЛЛАДА О НЕИЗВЕСТНОМ ПОКОЛЕНИИ

*"Заметает метель-
завируха...» В виду неблагоприятных
погодных условий аэропорта "Савино",
наш самолет совершает посадку в
аэропорте "Кольцово"..."*

Если б знать, что с тобою случится. Пусть
гадают: "Еще не пора",
От атаки уже не укрыться,
Эта музыка, эта игра.

.....
Вот в Кольцово заходит пехота,
То пространство сорвалось с петель -
Сумасшедший напев самолета,
И следы заметает метель.

Так бывает в лихую погоду,
В котлован, в беспримерный провал,
Он ошибся во времени года
И не то измеренье избрал,

Где за гранью горячего слуха
Будто "любишь", а может быть, лишь
Заметает метель-завируха

В подворотнях свердловских домищ.

Если б знала уральская Троя,
Что не только чужого не трожь:
Кто пристрелян, тот больше не воин,
И пророчица ведает ложь.

Темноту над путями взрывая
От Мур`манска, как крик в пустоту,
Погибает страна молодая
Пеплом искр голубых на лету.

1989

Ничего. Просто я в этой бойне - один.
Ты мне так помогла. Я не выжил. Что про-
ку от каменных слез.
Теплых судорог горла и детских тяжелых
седин,
И кандального звона уральских вагонных
колес -
Вот мой угол, которому я господин.

Пермь-Свердловск, 1988

Я кричу, что работа завертит тебя - без меня,
Я кричу на бегу, как Матросов на вражеский дзот,
Что нежнее, чем выстрел, горячее слово
“родня”,
Нет правды в ногах, кто до смерти ее берет.

И вступает в свою бесшабашную силу закон,
Что не прыгнуть, не тужься, не прыгнуть
поверх головы

Апрель 1988

Вот миг настал, ушел в атаку взвод,
И степь внезапно стала сон-травой,
Когда уже последний рядовой,
Закрыв руками почерневший рот,
Смеясь от страха, лег на амбразуру.

И страх пришел в ее разбитый дом,
Где злость с любовью сели по углам,
Тогда она подходит к зеркалам
И смотрится, и ищет, а потом
Помаду лижет и наносит пудру.

Апрель 1988

Десять жизней прошло! Я от счастья кричу,
И прощенья прошу, что в дремучем бреду
В руки милую жизнь, а не злую мечту,
И любовь у каких-то богов хлопочу.

Что есть жизнь? Это пыль у дорог. Это мы.
Это злая, дурная надежда на жизнь.
Это скученный в точку пейзаж. Миражи,
Как у тех, что брели в лагерях Колымы.

Что есть жизнь? Это снег. Это выставший
храм,
И звериный, безудержный страх по утрам,
Это серые камни на серых камнях
И могильная серость в пустых небесах.

Я устал от пейзажей. По мертвым губам
Смех крылатого мужества не пробежит,
Если так обожгла меня выдумка-жизнь,
Будто воздух июньской реки по утрам.

Мне уже не увидеть сирень под дождем,
Хоть расскажет по-прежнему сказка Перми
Знаки желтых созвездий на небе ночном
И про то, как брели по путям Колымы.
Если б знал я, что мир так неправ и упрям,
Что ласкает лишь мертвого, а по утрам
Он, глумясь, населяет в твой труп миражи

И бескрылость, что стало родное чужим.

Что есть жизнь? Это желчный, влетающий
смех,
Это пыль под копытами злого коня,
Это теплая грусть, это ржавая смерть,
Это желчное солнце в сухих зеленях.

Где ты ходишь в миру, ненаглядная смерть,
Может, злобу таишь, или ведаешь что,
И рыгаешь, как желчь, жизнерадостный смех
Раскаленным своим провалившимся ртом.

Мне колдун обещал, что уже не вздохнуть.
Я так ждал тебя, богу, как солнцу, молясь,
А сбылось - будто падал в колымскую грязь
И любил, будто ехал в чужую страну.

Что есть жизнь? Это свежего мужества прах,
Это горечь полыни на наших губах,
Это пьяный, веселый, зарвавшийся страх,
Это мелкий, усталый, затравленный страх,
Что у родины милой на птичьих правах.
Это бьющий. . .

Июнь-сентябрь 1988

ЛЮДЕ

“Все проходит,
обманы дожди и наветы...”

Все проходит. И совесть пройдет, и печаль.
Все проходит, обманы, дожди и советы,
И танталово бремя, и семя, и даже Советы,
И стихи, будто черная рамка в газетах:
“Капля нежности розовым красит” . . . ас-
фальт.

Январь 1989

Я тебе поведаю, постой,
Как живут собака со свиньей,
Как не ладит с тиграми коза,
Как глядят драконовы глаза.

Ты душа, собака-скорпион,
Я тобой немножко увлечен,
И тебя немножечко люблю,
И твои укусы потерплю.

Ты мои ужимки не брани,
А в глаза тихонько загляни,
И увидишь, что за зверь там спит
И простится с клеткой не велит.

Москва, 15.2.1989

ХОККУ (в соавторстве с М. Солохиным и
В. Букуром)

Мент печальный, выглянь из будки своей.
Вот студентки нагие под порывом осенне-
го ветра
Зашевелились.

МГУ, 1989

Славе Букуру

Провинция гибнет. В ней тихо живет Ай-
болит,
Обычный, как клизма, в конторке врачую-
щий жлоб,
И, свой стетоскоп на китайский сменяв го-
роскоп,
Пророчит блатное, мешая с латынью
иврит.

Пермь, февраль 1989

Я перестал шагреновым теплом
Тебя дарить. Проходит время скоро,
А жизнь текла, как праздничная ссора,
Как по ночам раздоры ни о чем.

Как жизнь звала в объятия свои,
Когда ты вдруг возникла из пучины.
Стреляй же в грудь, зачем ты метишь в
спину,
В последний раз о чем-нибудь соври.

Март 1989

У лазорево-красной листвы
В эту ночь продают героин.
В колыбели родимых пустынь
Ты устанешь бежать от судьбы.

Это город больной приполярной зимы,
Мы сюда не придем, даже если задумаешь
ты.

И, как хруст позвоночника, фальшь
Расположена рядом с листвой,
Но ломает воздушный прибор
Тот лазорево-красный мираж,
И кричит, и глумится над галькой мор-
скою,
И цепью влечет золотой.

Приглашает на косноязычный простор
Простыня невидимка, и свет от окна непо-
гашен.
Ты глумишься бесстыдно, и ложный ве-
дешь разговор,
И кричишь, и волшебную палочкой ма-
шешь.

Вот на утренний камень, как МИГи, летят
журавли

Клином книзу, и свет от окна непогашен.
Ты бесстыдно глумишься, и снова неправ-
ду сулишь,
И кричишь, и волшебною палочкой ма-
шешь.

Март 1989

Свинцовая поступь вины.
Смирительный город калек.
А было - полмига любви.
А ты возомнил - человек.

Чудовищно время идет,
Как споры с чужими людьми,
Как капли дождя, напролет,
На грязном портрете Перми.

Март 1989

Ленинград,
Я не помню волшебную сказку твою.
Я лечу белокрылою чайкой в Неву.
Здесь асфальты текут
И немецкие дома стоят,
Между них поезда, как фрегаты, уходят в
Москву.

Посмотри, над вокзальной площадью стя-
ги плывут!
Их колеблет дыханье идущей на смену зи-
мы.
Их органные трубы поездам отходную по-
ют
Среди белого дня и бездомной людской
кутерьмы.

Март 1989

Где целует ветер серый камень
(Будто выбрал место для любви),
Там течет малиновая Кама
В сумасшедшем запахе листвы,

И по злому утреннему следу,
Где застыли пепельные львы,
Все ясней, что понял Кастанеда
В повороте женской головы.

На полшага пепла сигареты,
Будто реют в реку снегири.
И впадает пепельная Лета
В полуправду утренней зари.

2.4.1989

Постой, но где же ты, постой,
Я света больше не приму.
Я здесь живу, как травостой
Живет в промышленном дыму.

И спазмы мыслей за ночлег
Души бескровной не приму,
И волчий вой за волчий бег
Куда - в родимую тюрьму.

И Пермь испытывает яд,
Все строит мир из ничего,
И время движется назад,
И умирает колдовство.

Постой, родимое ничто,
Смотри, бессилен разум твой,
Когда печали с ногтей -
И шаг бессмысленен любой.

2.4.1989

ЭМИЛИЯ ЛОНСКАЯ

Когда последняя пороша
Седое выстрижет чело,
И труп, небрит и неухожен,
Земля упрячет под крыло,

То запоеет среди болота
К судьбе привычных пермяков
Твоя кровавая забота
В Афган отправленных штыков.

Когда покроют слезы камень -
Прощайся милая, прости! -
Ты вдруг разверстыми устами
Молитву господу прочти.

И ты вослед заложишь с гиком
Отца перед христовым ликом
И слезы первые любви
Тупого Спаса на крови.

13.4.1989

ДОРОГА В СВЕРДЛОВСК

Надо прожить жизнь так. . .

Я не живу. Я странствую в пустыне.
Как будто для насилия рожден,
Струится день. Пески ночами стынут,
И, как в мишень, беззвучно смотрит в
спину
Собрат-манкурт.

Мне все равно, какая в теле мука,
И город солнца, ставший из песка,
И жизнь, как дар слепому камня в руку,
Как перевод с чужого языка.

И с каждым днем все явственнее гибну,
Уже не отбиваясь от камней,
Когда пески зернистые пустыни
Поют в бездонной гибели моей.

Май 1989

Когда порвалась старая штанина,
Во мне проснулось чувство гражданина.

Май 1989

Смыкается листва. Мне чудится - дрожит
На перепутье вен мой город сероглазый.
За что ты так - во мне? Ах, если жизнь -
держи!
Я знал, что ты убьешь, не выстрелив ни
разу.

Май 1989

Что наше северное лето. . .

Бабье лето еще впереди.
Ты не знаешь, что это такое.
Это запах травы-зверобоя
У тебя на соленой груди.

Это неба прозрачный бутон -
Все, что в горле осталось от крика,
И далекого взгляда улыка,
Иногда, в перерывах, сквозь сон.

И ненужного снега луга,
Там, под снегом, водица святая,
Так зовуще, пружина тугая,
Выбирает впотьмах берега.

Это запах сырых облаков,
Это выстрел табачного рая
И спасительно терпкого чая,
Иногда, в перерывах от снов.

Кто ж виновен, что мы далеки.
Будто ноет пружина тугая,
На рабочем столе, отлетая,
Зверобоя дымят лепестки.

8.9.1989

Спасибо друзьям, что меня предавали,
Спасибо врагам, что любили меня,
И трезво, по-снайперски, не понимали,
И ценность победы - на взмах кистеня.

А ценность ухода - фальшивая мера,
И слово стучалось крылом о стекло.
О, вам не услышать, что это - о смерти,
Как взлет кистеня рассекает крыло.

24.9.1989

Мой друг Гоген, твои полжизни - краше!
Как давят горло линии твои.
Не уходи. Смотри! - в лиловой каше
Текут по кругу желтые ручьи.

Не уходи. Стучит строка в забое,
Мои молитвы - с бритвою в руке.
Не уходи. Оставь меня в покое,
Отдай свободу смерти налегке.

И, поседев от курева и мата,
Твои одежды меряю сквозь стыд.
Я не могу тебя - любовью брата,
А если только верится навзрыд.

Мой господин, как кратко время слуха,
Когда ему так радовался ты.
Возьми мое отрезанное ухо,
Глухую щедрость местной нищеты.

21.10.1989

Нестрашного утра лучи пресвятые.
Ты помнишь: машина въезжает в проулок
По мусору листьев. От черного лета
Очнулись деревья, стоят и поют,
Как женщина, тихо касаясь ладонью,
Не плача еще, и лучи пресвятые
Хотя б ненадолго, в больничные окна.

Октябрь 1989

Ты слишком мало слышала меня.
Пора пришла, душа похолодела.
И оттого неслышным стало тело,
А ты все ждешь какого-то огня.

Октябрь 1989

Мне валторны вокзала уже не споют от-
ходную.
Ленинград - это миф, и в Москве не оты-
щешь родни.
Перед новым пожаром Москва, будто та-
бор, ликует,
И дорог магистральных дрожат приводные
ремни.

Пронесут поезда перед окнами грязной Ка-
зани,
Пролетят корабли в город серых развалин -
Челны.
Деревенская Пермь, и рабочий Свердловск,
и Челябинск,
И огонь голубой запредельной чужой сто-
роны.

Не молись, идиот, как погонят тебя ото-
всюду,
Полминуты на взлет, и уже не достанут они,
Заколдованный мир и тайги невменяемой
груда,
И богатой страны в темноте голубые огни.

И звериной тайги под ребром золотые ог-
ни.

3.11.1989

ПИСЬМО

Нет, Сережа, я не сожалею.
Наше зло не вызовет тревогу,
Если под сияньем Козерога
Я от перепоя околею.

Не ругай драчливую веселость,
Разве можно жизнь цедить по капле.
Разве можно слышать этот голос
Голубого лысого сатрапа.

Мы с тобой не те или не эти,
Нас голубят Шилка или Нерчинск,
Мы с тобой - Сухановские плети,
Мы легли защитниками Керчи.

Что любовь? Люта и твердолоба,
Конкурентно-рыночного типа.
Объясни, пожалуйста, попробуй,
Этой, прости господи, Ксантиппе.

Что же дети? Что ты им покажешь,
Как дерьмо добро переломало?
И они - не наши и не ваши.
И кому ума недоставало.

3.12.1989

Как опостылевший роман,
Себя выбрасывает город,
Где ждет колючая зима
В ночных больничных коридорах.

Я не могу ронять слова,
Когда проходит ночь, как воля,
По переулков рукавам,
По едкой, выветренной соли.

Колодой карт блестящих снег
Ветра, как мусор, вытряхают.
Твоя любовь не выпадает
И не является во сне.

Она уходит, как душа,
По злой, ветвящейся пороше,
Пока ветра бинтуют площадь,
Косноязычно ворожа.

И наконец вступает Бах
В пустое каменное тело,
Оно плывет осиротело
И тонет в хлынувших снегах.

Декабрь 1989

РОДИНА

Я устал говорить, что тебя не люблю.
Я, как Сергей, кадык топором разрублю,
Чтоб остались следы боевые.
Вы - глухие. По-русски - глухие.

Что доселе стоит между вами и мной,
Вы - не я, вы - в столице болван золотой,
Где наука - что лавка с посудой.
Где утрачены поиски чуда.

Вот и время уже измеряли в сердцах,
Колокольное чудо звучало в часах,
Ну, а вам эта радость - помехи.
Как в двадцатых крамольные "Вехи".

И осталось надолго с крамольной душой
Колокольное эхо у вас за спиной,
Чтобы вы навсегда не забыли,
Как озлоблены лошади в мыле.

23.1.1990

Это речи во хмелю,
Вилами по луже.
Я скажу тебе “люблю”,
Только ты не слушай.

И не верь моей игре,
Радостной и жадной,
Оттого, что на дворе
Все идет неладно.

Это синие ветра
Сылвенских Камаев
В степи легкие добра
Не летают стаей.

Вот и время нам с тобой
Из коробки длинной
Взять у папы расписной
Браунинг старинный.

Повернуть его слегка,
Правильно нацеля,
И закружится тоска
Мартовской метели.

Март 1990

Это пытка, Надежда.
Смеешься, не нужно тепла.
Не обманывая сны,
Этой ночью все море огнями
Расцвело, и поющие шли из воды.

Не кори, что и тело живуче.
Несмолкающий сон,
Что уже не упасть с высоты.
Это пытка, Надежда,
Как режущий грохот уключин,
Что выносит огни запевающих псалмы с
воды.

Беспощадная ночь,
Что ты сделала с каждой душою,
Как чужие чужим раздают безразличное
зло.
Это пытка, Надежда,
Один на один с глухотою,
Будто в жилы колдунья толченое сыплет
стекло.

Опоздала, Надежда!
И время стучит сапогами,
И проходит, и волосы стаей ложатся на
дно.
Голубица Надежда,

О чем же ты кличешь ночами,
Если голос внизу не услышать тебе
земляной.

Как ты смела, Надежда.
И сыплется голос стеклянный

.....

Куйбы-

шев, сентябрь-октябрь 1990

Детские игры в дети.
Детские игры в деньги,
А перед этим - в правду,
Веру, надежду, любовь.

Поезд как выстрел, Бетти,
Поезд - последний пенни,
Выброшенный в награду
Ветренице любой.

Москва - Краснодар, октябрь 1990

СВЕРДЛОВСК

Он проиграл, и снег его лежит
В том самом парке ночью на скамейке,
Куда листва осенняя спешит,
И девочка протягивает деньги.

Уже не встать, и слишком опоздал,
Его художеств больше нет в помине.
Ты веришь ли, как холоден металл
У тех скульптур на городской плотине.

Ноябрь 1990

СТАНИЦА

Там на веранде пили чай,
И было видно спины,
А он молчал, а он молчал
Потеряно и длинно.

Она была чуть холодна
В ответ на степь пустую,
А жизнь летела из окна
Ничком на мостовую.

Еще чуть-чуть, и унесет
К вокзалам с мостовыми,
А грязь дорожная течет
Меж хатами чужими.

Наверно, ты не холодна,
А буря грянет мимо
В стакане красного вина
С девчатами чужими.

Да нет же, ты не холодна,
То жизнь проходит мимо,
Когда китайская стена
Стоит невыразимо.

Станица Бакинская, 14.12.1990

Я всем солгу, как ты меня учила,
Твоим святым и матери своей.
Зима как тать, она заходит с тыла
И убивает белых голубей.

.....

Но жизнь меня на колдовстве растила
И пьяных красок вареве земном,
И мне пророчил воздух за окном
Шумящей кровью крон зеленокрылых.

Пермь, декабрь 1990

Какой хороший снег опускается тихо.
Когда усталость, как снадобье,
Когда не хочется ни жизни, ни улиц,
Я спокойно гуляю по городу.

Будто зима еще впереди.
И вот отстрелялся пятиэтажный пейзаж,
Школьный наивный снег,
Черный март, как оружейная гарь,
Как смазка сапог рабочих
Сразу же после Зимнего.

Пороховые сквозные улицы любви
Проходят, как косой дождь, стороной.
Одна усталость, как снадобье,
Еще позволяет быть.

4.3.1991

И примечталась жизнь. Свиридовский
вальсок,
Порыв смычковый осени летящей.
Спасибо вам. Я знаю, счастье - есть,
Оно как пущено из пращи
Угрюмым пращуром в висок.

Апрель 1991

*Смерть позорна, как страсть.
Подожди, уже скоро.
Ничего, он сейчас задохнется, Изора.*

Трамвай, бегущий за дождем -
Последний путь, последний путь.
Христос хохочет над Христом,
Не обмануть, не обмануть.

Дождя холодные плевки
Наотмашь дарят небеса.
И - к подбородку кулаки,
Глаза в глаза! Глаза в глаза!

Безмозглой сетовать судьбе,
Что по щекам, как в образа?
Твоя расплата за разбег -
По тормозам, по тормозам.

Потуги стынувшей звезды
На взрыв последний и оскал,
Что мир остался молодым,
А ты мечтал, а ты мечтал.

Никто ни в чем не виноват
В который раз, в который раз,
Татарской воли тетива
Еще вчера, еще вчера.

Июнь 1991

Это после татаро-монгольского ига -
Ни любви, ни жены, ни судьбы.
Почему-то живу, не дотла прогоревшая
книга
Или птица в пике из библейских морей
голубых.

Я еще нагляжусь на щемящую женщину-
осень,
Изумрудную гибель в краю облетелости
бедной,
Возвращенье грачей и бессмыслицу
“Граждан” Родена,
Я еще напишу про постылой Елабуги
осень.

Как тепло замерзать! Мне не нужно на
Северный полюс,
В тридевятое царство, где можно во что-то
поверить.
“Все приходит трудом.” Нет ни крови, ни
правды, ни меры,
Одинаково все. И дремота избавит от боли.

Список личных потерь завершается
именем Стенли,
Мне не нужно на полюс, и только откуда-
то с неба

Ваша музыка все еще радует сердце,
Будто память о счастье, которого не было.

Одинаково все, все предметы, и люди, и
книги,
Все стихи, и живые еще, и гробы.
Это после татаро-монгольского ига,
Ни жены, ни любви, ни судьбы.

Дайте нищему сны, а болвану наживы,
Если руки за спину, и вечер уже на
подходе.
Вы скажите спасибо еще, что мы - живы.
Что мы больше других ненавидим, когда
напрягают поводья.

Декабрь 1990 - июнь 1991

Ты знаешь, Надежда, развеялись пылью
скрижали,
И надо - локтями, и надо - спортивные
мышцы!
Но я не умею, мой прах из другого
соткали.
Чуть раньше, Надежда, как средним векам
обратиться.

Июль 1991

Скорей ко мне, мы оба старики.
Твое полузадушенное тело
Осенних губ наполнят ручейки
В краю берлог и наволочек белых.

Последний раз, ты знаешь и сама,
Как ни мечтай, да если и представишь.
Ты так сказала: женщина-зима,
А осень в горле яблоком оставишь.

Август 1991

Потеплело что-то, потеплело -
Посмотри, какой навоз хороший!
То из петли вынутое тело
Разлагаться начало в прихожей.

21 августа 1991

Уродливый домишко
В уродливом лесу,
Там жил урод-мальчишка
С картошкой на носу.

Сиреневые брови
Носил он меж ушей,
А рот его хреновый
Отсутствовал вообще.

Уродливые крысы
Скакали по углам,
Мальчишки череп лысый
Сверкал заместо ламп!

Его худые ноги
Как корни той сосны,
И жил в большой тревоге
Народ лесной страны,

Что был назло всем счастлив
Сиреневый солдат,
Что целился он часто
В большое да-да-да!

21.8.1991

Есть виски, что как мишени в тире,
И Прокруста выстелено ложе.
Декабристы выстрелили позже.
После смерти в рудниках Сибири.

Август 1991

Усни, солдат. От боя нет беды,
А есть беда, когда не хватает боя.
А наше поколение глухое
Не слышит звук потери высоты.

Оставь хоть день. Как мирно спит зима,
Но каждый день - погибель в изголовье.
Не путай одиночество с любовью,
Когда лишь шаг до каменного сна.

8.11.1991

Остается смотреть в одинокую точку.
На бесснежье смотреть, да бутылки
считать.

Будь ты проклята, Пермь, что с умом
укороченным,
Где в постелях теплынь, да кладбище в
крестах.

Будь ты проклята, Пермь, крепостной
уголочек
С деревенским теплом, да кладбищем в
крестах.

17.11.1991

Братцы, братцы,
Руки опускаются.
Тошно, тошно,
Жизнь уходит дешево.

Если б, если бы
Всех бы перевесили,
Легче б, легче бы,
Воздуха маленечко.

17.11.1991

Я знаю, Бог не даст,
И как бы свет не мил,
Мне некуда пропасть
От городских могил.

Я знаю, то болезнь,
Когда не суждено.
Настолько все равно,
Что даже выжить лень.

20.11.1991

*Человек человеку - бревно.
Ремизов*

Побежали, побежали!
Выдох глубже, время - деньги.
Хорошо тебя предали.
И спина прижата к стенке.

В нашем племени бараньем
Мы себя погубим сами.
Даже лица душу ранят,
Как в автобусе локтями.

И крутится сор, как пена,
На постылом тротуаре.
Хороша была измена.
Хорошо смогла ударить.

Будто тело без одежды,
Даже куреву не сладить.
Мы одни, как были прежде,
В заблудившемся отряде.

20.11.1991

У кошки десять ног,
А сзади три хвоста.
Ее я кинуть смог
С Аничкова моста.

Коротким вышел бой,
Как в западном кино,
И лег котяра мой
Субмариной на дно.

Он тайной страстью жил
Накушаться мышат.
О нем навек забыл
Бездушный Ленинград.

22.11.1991

Редьярду Киплингу

Ох, ты сволочь, сволочуженька моя,
Ты зачем же появилась у меня.
Чернота твоя с ума меня свела,
Иссушила тупа молодца она.

Ох вы горки мои, горушки круты,
Укатали Сивку-бурку, подлецы.
Вот под горочку покойничка несут
Сотоварищи, артель “Напрасный труд”.

25.11.1991

Нас накажет создатель, что все
Мы молились о синих колодцах,
Пели песни по-волчьи, вглухую,
А любили кого попадетя.

Он под ручку проходит не с нами,
Сторонится, как ливни косые,
Что мечтали о бабе красивой,
Да работали злыми руками.

25.11.1991

Будь ты проклята.
Всеми силами, добрыми и злыми, какие
есть.
Черное небо остынет над тобой,
Вода будет горька и хлеб ядовит.

Пусть повеют над тобой силы,
Чтобы на миг ты увидела
Край синего неба
И горло себе разодрала.

Пусть оставят тебе жизнь
И обратят в паука,
Чтобы ткала до потопа свою паутину,
Влагу дадут в ладони, чтобы вытекала
между пальцев.

Чьи бы пальцы на горле твоём сомкнулись.
Кто усмирит обиду мою и смерть,
Кто радость вернет и убьет
Равнодушные травы и реки мои.

О, ангелов не прошу.
Будьте прокляты все, кто воду в ступе
толок,
Пусть им будет судьба,
Что жил я в этом году.

Декабрь 1991

Мы роём окопы. Мучительно время
окопов.
За нами - ни плача совы, ни икон, ни
скандала.
Речная граница уходит на юг от Европы,
А в мелких протоках подмоге не видно
причала.

Кому наши жизни, их крепость обходит
пехота.
Гвоздики сгорают polegшим под стенами
Бреста,
Но хуже войны разгулялась в тайге
непогода,
Помои дождя заливая в окопы отвесно.

А мы, кто рожден во второй половине
апреля,
Чей траурный разум уральским дождем
искалечен,
Смеемся над богом, что правит огонь мимо
цели.
Что стоят природа и чувства твои
человечьи.

Август-декабрь 1991

Бестолку служенье
Деревянным мордам,
Некрасивых женщин
Высохшие бедра,

Творчество отпетых
И твои - не так ли? -
Бесталанных деток
Скучные спектакли.

Граждане гориллы,
Митинговый лепет -
Все, что подарил мне
Этот год нелепый.

Мертвые вокзалы,
Чемоданов стая,
Так меня вобрала
Эта жизнь чужая.

Тошнота до пены,
Пальцы вокруг шеи,
Это сновидений
Головокруженье.

Девятизарядным? -
Только, братец, жив ли
В серой безоглядной

Человечьей пыли,

Где твоя удача
Локти расставляет?
А навстречу плачет
Женщина чужая,

И любви лекарство
Господи напомнит,
Воздухом январским
Глотку переполнив.

14.1.1992

Бытовка, темнота, в помаде проводницы,
Они теплы и ждут, как обморока, дня.
По нервам бьет состав, и снег по полю
длится:
“Вы любите меня, вы любите меня...”

Придет гулящий день, как солнышком
посветит,
И выплеснет любовь - на праздник маеты.
От копоты грубы, вы, как родные дети,
Перед лицом зимы болезненно чисты.

Когда придет любовь и крылья
распластает,
Как шприц настигнет кровь по выгибу
руки -
Как будто завтра смерть, цветы на грудь
роняя
В парадный снег одежд, навывкате зрочки.

Я знаю, все не так, не копоть душу съела,
Не вырваться с колен - да то не нужно вам,
А богом прощены, и нету вам предела,
И дьяволово зло течет по сусалам.

От ласки до вранья давно язык намылен,
И каждому сучку на передок слабы.

Как хорошо, что вас до нашей встречи
били,
И будут бить еще потомки голытьбы.

Скорей клади ладонь на жаркие колени,
Пока еще сума, недолго до тюрьмы.
А поезд, как пацан, разбрасывает время
В огромную Сибирь, подальше от Перми.

Январь 1992

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Ритм больной, перевернутый
Беспомощною рукой.
Рай, навсегда отнятый,
Как матери молоко.

Меты его небесные
Переступи - и страх.
Ведала ли, как тесно
Будет в твоих руках.

Фальшью потери меряли,
Книги несли в костер.
Ты воскресила - первая! -
Косноязычный вздор.

Мерой твоих старателей -
Разве Москва одна? -
Чтобы провинция спятила
От вынутого со дна,

Впалые мысли вогнаны
В косноязычный бред
В зеркале перевернутых
Тоннах твоих газет.

Свердловск, 1992

Пахнет гарью, холодом и летом.
Остывая, ноют провода.
Подожди... Селений пестрота,
Полусонная белиберда
И две рельсы, спаянные где-то.

Июль 1992

Две пьяных гавани,
Как рубежи,
Примерно равную
Отняли жизнь,

Звезда постылая
Чертила круг,
Как будто выпила
Все силы вдруг.

Чернорубашечник,
Под ноги лес,
Пустой “Калашников”
Наперевес,

Как будто травести
На абордаж,
За каплей жалости,
Не передашь.

Зачем, как музыка,
Звучат сады,
Не стало мужества
Для красоты.

Зачем по стертому
Сентябрь святой,
Сначала мертвою
Плесни водой

Август 1992

ХОХЛОВКА

Светает. Быстро жизнь минула.
Как кучевые облака,
Как тень межоблачного гула,
Где в небо целится тайга.

Где, огорожены забором,
Стоят останки старины,
Возведены финно-угором,
А вслед монголом сожжены.

Где корпус раковый в оправе
Несет музейные кресты,
Сошлись на камской переправе
И Вянямейнен, и Батый.

Там лес и дол навозом полны,
Там Ермака для съемок челны,
И воздух тяжек, хоть кричи,
И водку хлещут москвичи.

5.8.1992

АВГУСТ

Отзвучали дожди, как горнисты казачьих
отрядов,
В орудийных салютах, ночной разорвав-
ших экран,
Но по крику трубы из окопа встают в
ураган
Бесконечные жизни во времени
полураспада.

.....
И металл устает, и, как сон, распадается
радий,
Если смерть - это смерть, а не что-то по-
зорней еще.
Но настигнет любовь по регистрам стигий-
ского лада
И дыханьем Самары целует в развалины
щек.

Наконец, опадает петля ядовитого солнца,
Все яснее вокруг, и оставил предсмертный
звонок
На оскалах тетрадей кресты теоремы Гель-
мгольца.
И учебная осень свое растворила окно.

1992

Для школьной радости
Сентябрь ласковый,
Как будто празднество,
Да не с кем праздновать.

1992

... Прогулка, мертвое лассо,
Меня влекла медвежьим грузом
С толпой кочующих французов
По катакомбам Пикассо.

Октябрь 1992

Как будто божий суд
И чья-нибудь беда,
Меня к себе вернут
Скупые холода,

И залежи утрат -
Угрюмая тайга,
И синяя тетрадь -
Российские снега.

А здесь в тепле листвы
Валяется каштан,
И, как всегда, правы
Счастливые места.

Октябрь 1992

Бросишь котенка в воду -
Тонет,
Кинешь котенка в чашу -
Гибнет.
Топчут его в степи
Кони,
Кушают в огороде
Свиньи.

Он отлежится в стельку
Пьяный,
Переночует на дне
Барака.
Грустно ему среди
Баранов,
Осточертели ему
Собаки.

Да и котята ему - о-ох,
Не в продых.
Мечутся все, продают молодое
Тело.
Значит, котенку нужен
Отдых.
Только без рук. Одному б
Хотелось.

Париж, октябрь 1992

*Под крики птиц, под неба акварель,
Под крылья ангелов. спующих во дворе...
Дима Долматов*

Сосновые признания прочти
И осень по прочтению прости,
Прости на час мою негениальность.

Мне серый дождь когда-то говорил,
Что будто силы вытянет из жил,
И вот тебя ни капли не осталось.

Февраль 1993

*Звук должен быть закутан в тишину, он
должен покоиться в ней, как драгоценный
камень в бархатной шкатулке.*

Генрих Нейгауз

Я попытаюсь сформулировать. Ты так
красива, так красива...
А мне, печальному-унылому, такое счастье
не под силу.

Я попытаюсь что-то высказать... Хотя
зачем? Не в этом дело.
А ты такая оголтелая. И эти груди без пре-
дела.

Ты вешишь больше. Не понятно ли? Но
есть же мера, есть же мера...
Тебе Остапенко приятнее. Он задолбал
меня, холера.

“Она не то”, - сказал Остапенко. Мы пили
водку у Сердитого,
И впереди у нас маячило, увы, разбитое
корыто.

А в ночь, закусывая яблоком, ты так
смотрела, так смотрела.

И Шопенгауэр на скатерти. И эти груди без
предела.

Не возвращаются, любя. А ты не знаешь
это правило!
И ни-че-го. И ты в себя мои погрешности
направила.

Ты понимаешь, есть любовь, а есть как
время между матчами,
Когда несчастье обозначилось, как
иероглифы Ли Бо.

Пойми же. слово “крылья” следует за
словом “любишь”, и расчеты
Идут по гиперизмерению, как на Берлин
идет пехота...

Да бог с тобой. Урок закончился, и
одинокство прекраснее.
Твои претензии законные. Мои страдания
колбасные.

11.3.1993

Не дури меня, злой Сальвадор,
Я сейчас упаду на колени,
Так гудят аравийский простор
И расстрелы на приисках Лены.

Отпусти мои черные дни,
Мне не выдержать скопищ народа,
Потому что не помнят они
Звездных знаков медвежьего года.

1993

Вставай, к тебе стучит безумная Елена,
Часы уже спешат, и пять минут прошли.
Мы баловни судьбы. нам правда по колено,
Мы все мечты сожгли, мы все кресты
сожгли.

На серых простынях не замолить позора.
Как бестолкова смерть. Вставай, неровен
час!
В твою стучатся дверь лихие прокуроры,
Ты больше не уснешь. Ступай, в квартире
грязь.

Мы шли по городам, дождя сдвигались
стены,
А может быть, пурги. Шли нищие вокруг
Толпы, а впереди безумная Елена
Указывала путь на Екатеринбург.

Устроена душа, как ветви у деревьев

Устроена судьба, как души у деревьев,
Крадется черный дождь в кривые пятерни,
Не разглядишь глаза, нас много,
мы - отребье.
Ты плачешь по утрам. Оставь. В крутые
дни

Голубушка пурга нас дочиста раздела.
Кто золото возьмет и свой укроет прах,
Жди гостя! Завтра смерть, и нету нам
предела,
Мы заняли рейхстаг на верхних этажах.

На верхних этажах злодейки-вьюги белой
.....

1993

Раскинув сад из кварца и стекла,
Глядит январь прозрачными глазами.
В мир нежность больно, как на цыпочках,
вошла,
И ясная зима стоит под образами.

Пирует холод. В розовый туман
Плывут, дымя, по городу трамваи.
Ты в детстве в этот верила обман,
Теперь не веришь, как январь, седая.

Ведь по утрам который год зима
Сухими пальцами охватывает шею,
Все так же желчью крашены дома,
И роются под окнами траншеи.

1993

Это было,
Если ты поймешь меня,
В воскресенье,
Где белькантовые Канны,
Возле школы,
В тополиных зеленях
Наши Альпы. Ты не помнишь, донна Анна.

Ну, послушай,
Осень бросила иглу,
Где шагали
Разноцветные Шагалы.
Без тебя мне
И Париж такая глушь,
Отчего же ты писать мне перестала.

На прогулке
В переулках Плас Пигаль,
В Пантеоне,
На кораблике Монмартра
Улыбались
Похороненным богам,
И штыками шевелили динозавры.

Это было
По дороге в Летний сад,
Где звучали,
Как дожди, сонаты Гайдна.

Рассекала
Алой бритвою гроза
На две части каннибалловые Канны.

Но по правде,
Если нам взглянуть назад,
Даже тени
Не увидишь донны Анны...
Это было
В воскресенье, а гроза
Рассекала белокаменные Канны.

1993

Ну, что - стихи... На, возьми, королева
Янка!
Смешные слезы текут о вас, мои драгоцен-
ные.
Нынче снег лежит у театра Вахтангова
И у консерватории по улице Герцена.

Еще немного не уходи - и сбудется,
Как будто в руки сирень крылатую,
Но не жду ничего в чужих московских
улицах
И не выношу лессированный крап Арбата.

Думаешь, кто-то будет плакать,
Если вдруг, случайно, в Москве кутящей?
Зато ты была - как в средние века,
Точнее, в начале века, такой настоящей.

1993

За окошком - русская зима.
Если вы когда-нибудь любили,
Это останавливает время
За окошком русская зима.

1993

В этот год - ни разума, ни гнева,
Будто на обочине сорняк,
И глазами Снежной королевы
Смотрит день куда-то сквозь меня.

И когда пришла пора упиться
От такой неслыханной тоски,
Вышел Бог в ежовых рукавицах
И смешал людские языки.

Январь 1994

Так нельзя, не до песен - кругом Бухен-
вальд.
На пороге зима. Уходи! Это фрицы про-
рвались к Орлу.
Безобразна любовь. На три буквы разби-
лись слова.
И в атаку на хлеб мародеры бегут по столу.

Схорониться во снах в это время, что хуже
войны,
Сны добрее, чем жизнь, там не страшно на
вшивой траве,
Пусть торгует Москва, на работу спешат
паханы,
И не страшен причесок мадонн маргарино-
вый цвет.

Жирный цвет маргарина не грех по живому
мазнуть,
Скоро снова стрельба, скоро лягут в тран-
шеи снега.
Я кричу в телефон: “Мне под Курском
прострелена грудь!
Кто еще не вернулся, где Намик, Алеша,
Ваган...”

22.8.1994

Ложится первый снег
И солнце сторонится,
В тяжелой тишине
Слетают с крыши птицы.
В разрозненном краю
Стихи читают дети.
И птицы хлеб клюют,
И все равно на свете.

Любви осенний плач,
И детство говорило,
Что женского тепла
До жизни не хватило.
Его крутой изгиб
Летуч, как листья лип.

Коричневый миндаль
Распластывает тело,
И вот в ресницах сталь
Навеки повзрослела,

И в жаркой наготе.
Так ждет сухая степь.

.....
Печаль его Елена,
И он следит давно,
Когда она из пены
Покажет плечи вновь.

Свердловск, октябрь 1994

Который день во рту не утихает горечь.
Ты что-то позабыл, и слово не вернуть,
Что вырвалось из уст ревнивицы Деборы,
Когда она вела бездомных на войну.

Не нужно вспоминать, что хорошо, что
плохо.

Как медленно идут в России поезда.
Картошка с коноплей, удержанного вдоха
Поочередный звук и стопочка у рта.

Я здесь остановлю попутную машину
И воздуха вдохну от раннего утра,
Здесь ноют работяг натруженные спины,
И вволю хороша умелая пора.

Краснеет быстро свет, и Вейнингера бремя,
Я так хочу туда, где в рамы светит рай,
Где белый карлик бел и медленное время,
Когда еще летал на черных крыльях май.

Одна не родилась, а та, другая - где-то,
Посередине - горсть картошки с коноплей.
Безумная гора шагает к Магомету,
А он повернут к ней по-прежнему спиной.

О, только не туда, на карточных гаданьях

Не выстроить дворца, и в гору пройден
путь.
Покуда без тебя крутится мирозданье,
Не высказаться вновь и слова не вернуть.

Краснодар-Москва, февраль 1995

Из костей, откуда хочешь,
Жар бери,
Одиночество, да в полночь
Фонари,
Только вьюги согревает
Круговерть -
Сквозь нее в пустое небо
Не смотреть.

Февраль 1996

Женщина, с которой не скучно в течение
пяти минут,
Покой рядом с ней, или мне показалось.
Бескорыстные знаки гвоздик
Только в эту тетрадь на ветру,
Потому что прерывистый бег,
Для меня уже неощутимый,
Происходит во времени Ольги

Апрель 1996

Ты выпита до дна.
Тебе семнадцать лет,
Не говори, что нет,
Уж вечность с гаком было.
А нынче ты одна.
Все мебельный предмет
Интересует, Свет,
Не так ли, не забыла?
А помнишь - ну, прости:
Из черной ночи в ночь
Мотался мастер Кельвин,
И не о чем грустить,
Он отмечал точь-в-точь
Температуру гелия. . .

Май 1996

СЕВЕРНОЕ КЛАДБИЩЕ

От немоты до немоты
Простая кружка пива,
В цветах модельные кресты,
И кажется красиво.

Восходит солнце, как на грех,
А грех уже не моде,
Его не вымолить на всех,
И нет греха в природе.

Не переменишь здешний мир,
И грешника на волю
Ведет небесный конвоир
Последний раз, не более.

Июнь 1996

БАЛЛАДА О ПОЕЗДЕ

Положи чибон
В пачку сигарет,
Ты садишься в поезд,
Черный драндулет,
В путях разбитых
Хлюпают смола,
Площадей корыта
Дрожат в зеркалах.

Он еще немного,
Как будто прирос,
Проползет дорогу -
Говорящий мост,
Рубежи пролетов,
И простым-проста,
Застучит работа
В его хомутах.

На изгибах роц
Журавлиный след,
Мчится скорый поезд,
Черный драндулет,
Навуходоносор лысый
Лежать отказал,
Свищет поезд рысью
На Финляндский вокзал.

Горький запах стали
Горящих рельс,
Позади отстали
Рощи в сентябре,
Говорить не можешь,
Как будто беда,
Города похожи,
Да порода пуста.

Если день потрачен -
Какой сюрприз,
Для тебя назначен
Оправданья риск,
Больничных стекол
Перебитый градом квадрат,
В облаках под током
Бубновый Кронштадт.

Июнь 1996

НОВОСТРОЙКИ

Как объяснения в любви,
Идут дожди в народ.
Грязнее смеха тротуар
И недолет
Шрапнели брызг. Но впереди
Теплеет тушь.
Глазами неба погляди
На эту глушь.

Как не любить земного зла -
Ведь ночь в полях.
Склоняют шумно купола
К ней тополя.
В высотных каменных мирах
Без перемен
Гуляют юные ветра
Из деревень.

Июнь 1996

По национальности я физик, по вероисповеданию бабник, по убеждениям ипохондрик

- Все тот же звук соломинкой желанной
Не перестанет звать на праздник твой.
Уходят тени Ольги и Светланы,
И той, что машет издали рукой.

- Невзрачный день в окне проходит рано,
Обступит время с четырех сторон,
Но если ты такой взаправду пьяный,
Открой мне струн простое серебро.

- Кто верит в бога, черта иль султана,
Когда же я негаданно приду,
Ты, будто бы соломинкой желанной,
Открой, что будет в праздничном году.

- Который год, как заповедь Корана,
Бегущий парус в синеве морской.
Когда-нибудь, с кем ты взаправду пьяный,
Объявит день волшебною рукой.

Июль 1996

МАМА

*Настраивать свой слух на звон колоколов
И тратить мощь свою на подвиг
прозябанья...*

Сколько было закрытых дверей и ключей,
чтобы их открывать.
Возвращаться туда, через мост, и, чуть
вверх по реке,
У избы над болотом беззвучно стоят
дерева.
Нужно будет погладить, как сына по левой
щеке.

В этот миг дерева, как живые, тебя
назовут,
Млечный сумрак полуночи тайную шепчет
награду,
И жаровень Луны залит пламенем, как
Голливуд,
Как пустыня Сахара, как прошлое, как
Эльдорадо.

Она:
Поклонись до земли, кто дал право судить,
А не видеть и ждать, как терпели святые.

Нет случайного в мире, не плачь и наверх
погляди -
То пылает во всем бесконечная мудрость -
София.

Он:
Понимаешь, дружок, нет глупее метаний,
Чем цареву порфиру менять на святую
порфиру.
Лучше в Химках да в Курске пощелкать
зубами,
Чем молиться каким-то самым равным
кумирам.

Слышишь шум? Ниже Кельна, правее, чем
Рим,
Обнаженная речь у посмертно прославлен-
ной печи.
Что ты знаешь о жизни огня? Посмотри,
Как горят на востоке мои августовские
смерчи.

Переломан и нищ, черной злобы сожитель,
Серым пеплом покрыты летящие в сторо-
ны космы,
А тебе лишь колодезным светом светить
В декорациях готик, на улице Шерлока
Холмса.

.....
От лисы и от волка веселая скачет
квадрига,
Разобиженный Вертер, Емеля-дурак на
печи,
Засыпающий мальчик, Пиноккио, Тиль
Уленшпигель,
Ухожу и в дверях навсегда забываю ключи.

.....
Одноглазый Манчестер проснулся и бьется
в падучей,
Изрыгая, как змей с бодуна, тяжкий утрен-
ний грохот.
Спят Тагил и Челябинск, обиду да злобу
баюча.
Он разбудит. Он сны собирает по крохам.

Август 1996

Дружок, ты знаешь, как садить
Горох и репу в грядку,
Лису на слове изловить
И чай глотать вприглядку.

А нынче город стал стеной,
Горох ему не страшен.
Ему не нужен лис ручной,
А нужен день вчерашний.

Ему “Калашников” ручной -
Соседа с перцем слопать,
И каждый ждет потопа,
И счастье в грош ценой.

Челябинск, апрель 1997

Завалиться на бок - поезд укачает,
До свиданья, Родина, колдобины дорог
С прозеленью розовым жаром иван-чая,
С пегими маслятами на выжженных
полянах,
С бабами, глядящими деревянным
взглядом
Мутных привидений острова Моро.

Свердловск-Челябинск, апрель 1997

Своими царскими ногами
Ты сны измучила. Короче:
Я всё, что было между нами,
Себе представил. Что ж ты хочешь.

Англиканский, еврейский, испанский
амвон,
Это серый пергамент, лицо Аргентины.
Назови - то лебяжий серебряный звон,
Это порванный ветром, ветрами, портрет
Аргентины.
Поезд. Сбоку скошенный профиль стукача
Агустина.

Пегий след океана, и катит вривпрыжку
Ассоль,
Будто слез не катил перепуганный Вертер,
Как всегда, навсегда там оставлена боль,
Золотая печаль от рожденья до смерти.

Это западных стран нанесенные раны,
Это сердце плодит траектории мира,
Быстро движется судно, ныряют бакланы,
И кричат, и полощутся чайки на Тигре.

.....

Запах таверн с дымящимся мясом быков
И подарка судьбы - белорусского сала,
И бутылок вина корабельные блики,
Цвет запрятанных в моду итальянских
квартилов
И полуденный блеск водянистых плодов
ежевики.

Буэнос-Айрес, декабрь 1997

.....

Как хорошо, что ты - была.
Кругом высотные руины,
И светит праздничная мгла
В лицо гулящей Аргентины.

На сходках барабанный бой
У мегаполиса в кармане.
Как и везде, ты здесь чужой,
А писем богу слать не станешь

Буэнос-Айрес, декабрь 1997

Не пойте о любви,
Наверно, с колыбели
Меж сосен до земли
Качаются качели,

Но холодом орла
С глазами хлопьев хлопка
Ждет каменная мгла
На баренцевых сопках.

У лилипутов Свифт
Души не обнаружил.
Не пойте о любви,
Пожалуйста, не нужно.

1998

Он привык. Полотняный мороз за окном.
Рев машин. Как всегда. Заводские беруши
Приготовлены на ночь. И снова заменит
вино
Только водка. И воздух, и глотку
просушит.

Сколько ж вас. Неужели до дна
Нужно выпить спиртное говорилен-
конюшен.
Год за годом, впритык, наступает хана.
Скоро выпрут ключицы и тело разрушат.

1999

Сколько еще быть...
Виталий Кальтиди

Он говорит "мяу",
Она говорит "нет",
Она говорит "нет"
Уже полтора года.
Солнце берет верх,
Солнце всегда на всех,
У солнца нет фаворитов
Уже полтора года.
Не дотянуться вверх,
Ты хороша для всех,
Как будто бы и не грех,
Уже полтора года.
А если созрел грех,
Веревка одна на всех,
Твой, Витька, пустой орех
Уже полтора года.
Котенок Василий,
Тебя не берет смех,
Ты говоришь "мяу".
Это есть мировой успех,
А настоящий Василий,
Конечно же, пьет за всех,
Ему никаких помех
Без всяких на то усилий.

Июнь 1999, закусочная "Метелица"

...
В харчевню шастает Шарко
По душам шаркая легко,
След в след стараясь за тобою...
...

Буэнос-Айрес, 1999

Что означает "Абердин"?
Звон колокольчика в прихожей,
Профессора с гусиной кожей,
С которым спорить не шути.

Что означает "Абердин"?
Курить и думать по-английски
С самим собой, шотландский виски
Как цвет надежды впереди.

Что означает "Абердин"?
Звук колокольчика в стакане
С шотландским виски, что обманет
Надежда цвета ассорти.

Вились ползучие барханы
С холмов, с морей, со всех сторон.
Он был действительно туманным,
В лесистых склонах Альбион.

Что означает "Эдинбург",
В дождях готические скалы,
На них корректные нахалы
В костюмах чопорных вокруг.

Что означает "Ноттингем"?
Что все закончится случайно,
На миг возникну коллонтайно
В дверях в прихожую в Эдем.

1999

Нас ведут на штурмы
Думы да сума.
У России Дума,
Дума без ума.

Грабили нас хрены
Мятые с лица,
А теперь спортсмены
Грабят без конца.

Всяк смеется криво,
Весело и вкось –
Всей шпане на диво
Богато привелось.

Не найти ухвата
На задницу шпаны:
Ныне депутаты
И защищены.

А служба у опричны
Выдалась милей –
Героин приличный
Вместо лагерей.

Славно гибнет плесень
Постсоветских стран,
Бьет в глазницы, плещет
Кладбищ океан.

Заводские будни
Оборвала братва,
Хамы вместе с трутнями,
Кама да Нева.

Гибкие колена,
Заплывшие сердца –
Слуги Мельпомены
С одного яйца.

Чтоб глядеться чистыми
(Слышно там и тут),
Наши «коммунисты»
Прошное клянут.

Кабаны с мобилами,
Во фраках паханы
Да юные дебилы
Нынче цвет страны.

.....

Нас вели на штурмы
Рваные сердца.
В сумме ж только думы,
Думы без конца.

Хрустнет день белесый
Морозом в колесе,
Будто Пермь, как осень,
В спячке насовсем.

2006

Содержание:

Сергей Отделенный	3
От автора	5
Всё равно	6
Мне снились вьюги	7
Неба плотная пелена	8
За горем дней пройдет немного	9
Надпись на памятнике	10
Сегодня утром	11
Когда я снова одинок	12
Там, за моим горизонтом	13
Снег за окошком	14
Мне хочется уснуть	15
Забывать	16
Сны, ноты, книги	17
Грязь. Мыслей тошнота	18
Мне снится, ты ушла	19
Вот и время пришло	20
Тоскливо и смешно	21
Чебаркуль	22
Ты думал	23
Люба	24
Наташке	25
Мне в мире	26
Оставь мгновение	27
Неожиданно жесткий смех	28
Сразу после университета	29

Вербное воскресенье	30
Лишь злоба руки согревала	31
Номер в гостинице	32
Когда на долгом километре	33
Мы так с тобою далеки	34
Весь день качает колыбель.....	35
Лишь только бы оставили.....	36
Открыта дверь	37
Мы жизнь с тобой	38
Картина Васильева	39
Случайно встанет нотною строкой	40
Март	41
Какие дожди полыхают	42
Снова врываются в кадр	43
Пока дожди сквозь сито моросили	44
О чем ты думаешь ночами	45
Кто здесь рядом	47
Ты пишешь письма в пустоту	49
В синем небе золотые купола	50
И полетели пасмурные дни	51
Завтра в гору, Сизиф	52
Иссяк пейзаж	53
Не жалею, не плачу	54
Ты никуда не уходила	56
Возьми-ка в руки свои игрушки	57
И выпадет час	58
Господи, боже мой	60
Отец	61

Нет времени, Люда	63
Метро	64
Ах, дружище	65
Что ты чувствуешь во мраке	66
Кенар Юры Шейнова	67
Баллада о неизвестном поколении	69
Ничего	71
Я кричу	72
Вот миг настал	73
Десять жизней прошло	74
Люде	76
Я тебе поведаю, постой	77
Хокку	78
Провинция гибнет	79
Я перестал шагреновым теплом	80
У лазорево-красной листвы	81
Свинцовая поступь вины	83
Ленинград	84
Где целует ветер серый камень	85
Постой, но где же ты.....	86
Эмилия Лонская	87
Дорога в Свердловск	88
Когда порвалась.....	89
Смыкается листва	90
Бабье лето	91
Спасибо друзьям	92
Мой друг Гоген	93
Нестрашного утра	94

Ты слишком мало слышала	95
Мне валторны вокзала	96
Письмо	97
Как опостылевший роман	98
Родина	99
Эти речи во хмелю	100
Это пытка, Надежда	101
Детские игры	103
Свердловск	104
Станица	105
Я всем солгу	106
Какой хороший снег	107
И примечталась жизнь	108
Трамвай, бегущий за дождем	109
Это после татаро-монгольского ига	110
Ты знаешь, Надежда	112
Скорей ко мне	113
Потеплело	114
Уродливый домишко	115
Есть виски, что как мишени	116
Усни, солдат	117
Остается смотреть	118
Братцы, братцы	119
Я знаю, бог не даст	120
Побежали	121
У кошки десять ног	122
Ох, ты сволочь	123
Нас накажет создатель	124

Будь ты проклята	125
Мы роем окопы	126
Бестолку служенье	127
Бытовка	129
Попытка ревности	131
Пахнет гарью	132
Две пьяных гавани	133
Хохловка	134
Август	135
Для школьной радости	136
Прогулка	137
Как будто божий суд	138
Бросишь котенка в воду	139
Сосновые признания	140
Я попытаюсь сформулировать	141
Не дури меня	143
Вставай	144
Раскинув сад	146
Это было	147
Ну, что стихи	149
За окошком	150
В этот год	151
Так нельзя, не до песен	152
Ложится первый снег	153
Который день	154
Из костей	156
Женщина	157
Ты выпита до дна	158

Северное кладбище	159
Баллада о поезде	160
Новостройки	162
Всё тот же звук	163
Мама	164
Дружок, ты знаешь	167
Завалиться на бок	168
Своими царскими ногами	169
Англиканский, еврейский	170
Как хорошо, что ты была	171
Не пойте о любви	172
Он привык	173
Он говорит мяу	174
Шарко	175
Что означает Абердин	176
Нас ведут на штурмы	177

Борис Ихлов
ГОДЫ ВОЙНЫ
Сборник стихов

Отпечатано ИП Баев И.В. (Типография БиК),
г. Пермь, ул. КИМ, 75. Тел./факс (342) 263-11-37